

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Аркадий Гайдар
**СУДЬБА
БАРАБАНЩИКА**

Аркадий Гайдар
Судьба барабанщика
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7635556
Судьба барабанщика [вступ. ст. С. Сивоконя]: Дет. лит.; Москва;
2014
ISBN 978-5-08-005228-6

Аннотация

О своей повести «Судьба барабанщика» А. П. Гайдар писал так: «Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных – не меньше, чем сама война».

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Аркадий Петрович Гайдар	4
И все-таки – впереди!	7
Автобиография	25
Судьба барабанщика	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Аркадий Петрович Гайдар
Судьба барабанщика
Повесть

Арк. Зандар

1904 – 1941

И все-таки – впереди!

О Гайдаре писать нынче трудно. Резко изменилось время, изменились и взгляды людей. Один из роковых вопросов советских анкет: «Что вы делали *до* 1917 года?» – позже сменился противоположным: «Что вы делали *после* 1917 года?»

Гайдару уже бросали ряд неприятных упреков в таком духе: зачем он в 1918 году ушел воевать «за светлое царство социализма»¹ зачем в 1921-м участвовал в подавлении Антоновского мятежа на Тамбовщине, где власти воевали с собственным народом по-бандитски – без всяких правил; зачем, наконец, в 1922 году, воюя в Хакасии против «императора тайги» атамана Соловьева, он был жесток – на допросах применял пытки, избиения пленных и т. п. (Правда, насчет последнего обвинения – дело темное: документов никто из обвиняющих не представил, а воспоминания типа «одна бабка сказала...» – это не документ и не аргумент.)

Думается, однако, что Гайдар не растерялся бы от таких вопросов, не стал отрекаться от своего прошлого и ответил бы на все вопросы «прямо, честно и открыто», как и во всех других случаях. Он сказал бы, наверно, что смешно спу-

---

¹ Строго говоря, это выражение не гайдаровское. В повести «Школа» (1930) оно встречается на рабочем плакате: «Только с оружием в руках пролетариат завоюет светлое царство социализма».

стя столько лет обвинять четырнадцатилетнего подростка² в том, что он делал в году 1918-м... А делал он тогда то же, что и другие, – участвовал в Гражданской войне... А Гражданская война – что во Франции, что в США, что в России – нечто кровавое, тяжкое и далеко не всегда справедливое. И лучше бы в ней вообще не участвовать, да вот не получилось...

Насчет подавления тамбовского мятежа Гайдар, наверно, ответил бы так: «Не я затеял эту войну, не из-за меня она началась; а я был военный, командир полка, мне дали приказ – ну как же я мог отказаться? Не дезертиром же мне было становиться – я всегда презирал дезертиров; загляните хотя бы в мою повесть „Р. В. С.“ ...»

Наконец, о войне в Хакасии Гайдар, скорее всего, отозвался бы так: «Я и сюда прибыл по приказу – отказаться не мог... Что же до соловьевцев, то это были бандиты... Не знаю, что сделало их бандитами: может, революция, может, неудачные декреты советской власти, а может, бездарное их применение, – но в этом не я виноват. Факт тот, что я застал их бандитами, – а с бандитами не воюют в белых перчатках, с применением дуэльного кодекса... Возможно, я где-то и переступил „пределы допустимой обороны“ или „допустимого нападения“, но нарочно жестоким я не был – вы это знаете

---

² Наверное, не случайно герою повести «Школа», Борису Горикову, когда он бежит на фронт, уже пятнадцать лет, а не четырнадцать, как было в аналогичном случае Аркадию Голикову. Видимо, Гайдар понимал, что даже для того времени четырнадцать лет – мало подходящий возраст для участия в Гражданской войне.

по моим книгам».

Хотя Гайдару эти слова только приписаны, по сути, они вполне правдивы. Давно известно: «Истинная жизнь писателя – в его книгах».

Да и «социализм» Гайдара был вовсе не тот, что строился в СССР под руководством Ленина и Сталина. Это видно уже из того, что Ленин во всех книгах Гайдара появляется всего трижды: в повестях «Школа» и «На графских развалинах» – только упоминается, а в крохотном рассказике «Советская площадь» (1940) изображен весьма странно: рассказчик (скорее всего, сам Гайдар, ибо рассказ автобиографичен) слушает (вернее, пытается слушать) Ильича, выступающего с балкона Моссовета, а его собственный конь мешает ему слушать: то храпит, то фыркает, то на дыбы встает... Так и не услышал Гайдар ни словечка из ленинской речи, да и мы ничего о ней не узнали, хотя сам же Гайдар говорит, что люди ему потом эту речь пересказали... Видимо, не очень-то она его заинтересовала.

Ну а Сталина вообще не найти ни в одном из гайдаровских произведений³. И это в 1930-е годы, когда без имени Сталина не обходилось ни одно собрание, не произносилась ни одна речь, не говоря уже о докладах, – да вообще не де-

---

³ Впрочем, в одном из гайдаровских сочинений («Встречи в бурю», 1926), основанном на воспоминаниях бывшего военного коменданта Перми, Сталин все же присутствует. Но именно только *присутствует*: на протяжении всего мемуарного рассказа не говорит ни слова... Редчайший случай в тогдашней литературе!

лалось ни одно сколько-нибудь серьезное дело...

... А где хватит на двух разговорца,
Там помянут кремлевского горца, —

говорится в знаменитом – поистине роковом для поэта! – стихотворении О. Мандельштама.

А Гайдар прекрасно обходился без этого имени. Даже в отклике на получение «высокой» награды (для Гайдара, впрочем, не слишком высокой) – ордена «Знак Почета», полученного в 1939 году – юбилейном для Сталина (к тому же в тридцать девятом году проходил XVIII съезд партии!), Гайдар ухитрился обойтись без упоминания вождя...

Вот он отвечает на вопрос «Литературной газеты», над чем он сейчас работает (на дворе – февраль 1939 года).

«Работаю над повестью „Талисман“ – рассказываю о том, как солдат искал счастье. (Неоконченную повесть эту мы знаем под условным названием „Бумбараш“. – С. С.)

И как раз в часы этой моей работы пришло большое счастье ко мне, и, как замечательный талисман, удесятеряющий мои творческие силы, я принял великое внимание правительства и партии.

У моего талисмана чудесные свойства. Это подарок страны... И волшебная творческая сила моего талисмана прекращается там, где кончается труд».

Где тут Сталин? Его нет и в помине. Партия отодвинута

на второй план (тоже случай невиданный!). И наконец, награду свою Гайдар принимает как «подарок страны», хотя он прекрасно понимал, что Сталин если и не подписывал, то наверняка утверждал список награжденных...

Не менее прохладно относился Гайдар к официальному символу тогдашней партийной идеологии – коммунизму.

В киноповести Гайдара «Комендант снежной крепости» (1940) капитан Максимов рассуждает о картине под названием «Путь к коммунизму», созданной студенткой Ниной, которая капитану нравилась, а потом стала его женой. На картине этой были изображены «люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами в руках они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем горным вершинам».

Устами своего героя (а по сути – своими собственными, ибо капитан Максимов – один из «дублеров» писателя) Гайдар произносит над этой картиной убийственно ироничные слова: «Это беспечные люди возвращаются с пикника домой... Девочка, не сердись, но таких дорог к коммунизму не бывает».

В целом же свою жизненно-политическую программу Гайдар наиболее полно представил в одной из записей дневника, когда заканчивал «Военную тайну» (1934).

«Эта повесть моя будет за Гордую Советскую страну.
За славных товарищей, которые в тюрьмах.
За крепкую дружбу.

За любовь к нашим детям.
И просто за любовь».

Последние три пункта понятны, а вот первые два трудно оставить без пояснений.

Слова о «Гордой Советской стране» – самые важные для Гайдара.

Помните, кого он благодарил за награду? Прежде всего – свою страну.

А в словах о стране главное слово – «Гордая» (недаром с большой буквы!).

И второй пункт тоже важен – о товарищах, «которые в тюрьмах».

Своих или зарубежных товарищей имеет он в виду? Или тех и других сразу?

Судя по «Военной тайне», казалось бы, зарубежных: ту же Марицу Маргулис, сестру Владика Дашевского и других.

Но в дневнике не сказано «зарубежных»! А советские тюрьмы в августе 1934 года, когда сделана запись, тоже не пустовали. И сидели в них не только враги СССР и не только враги Гайдара.

Скажем, умнейший советский коммунист Мартемьян Рютин, еще в 1930 году дерзнувший выпустить листовку с призывом отстранить Сталина от власти в партии и в стране, тогда же и был арестован. А поскольку перед этим Рютин два года возглавлял главную военную газету страны «Красная звезда», он мог быть даже знаком с Гайдаром – прямо или

через общих знакомых, коих в военной среде у них нашлось бы немало. А уж слышать о нем Гайдар наверняка слышал!

И тем более мог быть знаком Гайдар с ленинградскими поэтами Даниилом Хармсом и Александром Введенским – своими коллегами по детской литературе. А оба они были впервые арестованы в 1931 году.

И когда Сергей Ганин пел сыну Альке свою любимую песню про «товарищей в тюрьмах, застенках холодных» и при этом «невольно зажмурился», только ли о Марице Маргулис вспоминал он, как полагал чуткий шестилетний Алька, – может, и о ком-то другом, необязательно зарубежном?...

Скажу больше: а не нарочно ли Алькину «мамку» Гайдар сделал *зарубежной* комсомолкой, погибшей в застенке? Нет ли и здесь хитрости против строгой советской цензуры, чтобы, пробившись через нее, сказать и о наших, советских, невинных жертвах? Ведь сумел же Гайдар «внедрить» шестилетнего Альку в пионерский лагерь, хотя до пионеров тому было еще расти и расти... Алька же ему был нужен – и, как это ни жутко, нужна была *гибель* Альки, что видно опять же из записи в дневнике, когда книга еще писалась: «... Никто не знает, как мне жаль Альку. Как мне до боли жаль, что он в конце книги погибнет. И я ничего не могу изменить. Я могу только сделать все, что в моих силах, чтобы оставить крепкую память, горячую любовь к этому маленькому и верному человеку».

Для чего же ему понадобилось губить своего любимого

героя – тем более любимого, что прототипом Альки был его собственный сын? (В дневнике Гайдара есть об этом прямая запись: «Интересно, как будет читать и понимать он мою „Военную тайну“? Ведь Алька – это он сам».) Гайдар понимал, что гибель маленького обаятельного мальчишки, с добром и любовью относящегося ко всем хорошим людям, потрясет юных читателей и те запомнят каждую Алькину фразу, каждое, даже мимолетно брошенное, слово. А через них войдут в души читателей и его собственные, гайдаровские, мысли. Вот почему, вопреки собственным чувствам, вопреки просьбам ребят (иные прямо *требовали*, чтобы он пощадил Альку), писатель наотрез отказался спасти своего героя...

Кончая разговор о «потаенном», по сути еще не прочитанном Гайдаре, скажем еще о повести «Судьба барабанщика», о которой такие речи в печати уже велись. По свидетельству близких друзей Гайдара, в первом варианте повести отца Сережи арестовывали как «врага народа». И лишь полная невозможность напечатать повесть в таком виде заставила Гайдара заменить несправедливое политическое обвинение героя заурядной растратой. Но Гайдар и при этом схитрил, и не раз, обманув все же бдительность цензоров: сперва он направил «растратчика» на Беломорско-Балтийский канал (судя по описанию того, что Сережин папа там делал), где трудились в ту пору не уголовники, а в основном «политические»; а потом, организовав его досрочное освобождение за

ударную работу, так подал его встречу в Москве, что умный читатель сразу смекнул: нет, растратчиков так не встречают!

«И конечно, если бы не яркий свет прожектора, то всем в глаза глядели бы теперь они (отец с сыном. – С. С.) прямо, честно и открыто.

И тогда те люди, что их встречали, дружески улыбнулись им и тепло сказали:

– Здравствуйте!»

Знаменитый псевдоним писателя долгое время расшифровывали как «всадник, скачущий впереди», пока сын писателя, ссылаясь на А. М. Гольдина, сотоварища Аркадия Голикова по Арзамасской гимназии, не расшифровал его совсем неожиданно: «Голиков Аркадий из Арзамаса». Принцип этой расшифровки станет ясен, если псевдоним писателя записать так: «Г-ай-д'Ар», где «Г» – первая буква фамилии, «ай» – первая и последняя буква имени, а «д'Ар» – французское обозначение происхождения человека из какой-либо местности. Здесь указаны первые две буквы географического названия. Так, д'Артаньян – человек из Артаньяна. Или, скажем, владетель Артаньяна (по сему принципу сложен длинный, но неубедительный титул небезызвестного Портоса: барон дю Валлон де Брасье де Пьерфон).

Если учесть, что гимназист Аркадий Голиков подобным же образом зашифровывал свои записи в дневнике, эта новейшая версия имеет большие шансы стать окончательной. Жаль?! Но даже если и так, то наши лучшие представления

о Гайдаре вовсе не пошатнутся. Ведь отчего возникла красивая легенда о «всаднике, скачущем впереди»? Да оттого, что своими книгами и жизнью Гайдар *заслужил* такой «титул». Псевдоним можно придумать самый звонкий, но если он будет резко расходиться с жизнью своего владельца, то может вместо гордого имени превратиться в пародийное прозвище...

Для своей короткой жизни поразительно много пережил, узнал и понял Гайдар. Прежде чем писать о родной земле, Аркадий Голиков ее *защитил*⁴ ценой собственной крови. А потом исходил и изъездил ее вдоль и поперек и хорошо узнал. Он ее полюбил как нечто очень родное и близкое.

Жаль, что никто не вычертил карту странствий Гайдара по родной земле – выразительная это была бы карта!

Украина, Алтай, Крайний Север, Урал, Дальний Восток, Крым, Кавказ, Средняя Азия, Поволжье были для него не просто географические понятия, а родные места. Он мог подробно рассказать о них не потому лишь, что там побывал, но и потому, что органично вписался в тамошнюю жизнь, стал своим человеком, почти жителем тех мест.

Москва, Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Подмосковье в счет не идут: они как бы подразумеваются в жизни любого российского писателя. Но для Гайдара эти места бы-

---

⁴ Тут вы ехидно заметите: «А от кого он ее защитил?» От врагов. От тех, кого он в ту пору считал врагами своей «Гордой Советской страны». А кого посчитал бы сегодня – гадать не берусь.

ли только одними из многих в жизни. Я не думаю, что в его сердце они имели перевес надо Льговом, где он родился, над Арзамасом и Сормовом, где прошли его детство и юность; над Пермью, Свердловском (ныне Екатеринбург), Архангельском и Хабаровском, где пролегли его первые журналистские тропы (как большинство писателей, он начинал с журналистики); над курской Ивней или крымским Артеком, где главным другом и спутником был его сынишка Тимур; или над рязанской Солотчей, где в кругу своих литературных друзей он славно отдохнул и написал немало страниц веселой и поэтичной прозы.

Он почти буквально держал руку на пульсе страны, всегда зная не только чем она живет, но и куда стремится. И умел рассказать об этом даже самым маленьким детям. Оттого он и стал в нашей детской литературе правофланговым. И пока что, несмотря на все выпады и стрелы в его адрес, это почетное звание у него никто не отнял, и я думаю, что уже не отнимет.

Литературные способности Аркадия сказывались еще в детстве. Уже тогда он сочинял стихи, писал отцу на фронт интересные письма, а в своем школьном дневнике записал, что его любимое занятие – книга. Тут же назвал он и своих любимых писателей той поры: Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Жюль Верна...

В доме Голиковых было много книг: мать и отец – учителя – с удовольствием писали стихи, радовало их, когда дети

пели песни... Любовь к хорошей, задушевной песне на всю жизнь осталась в душе Гайдара. И в его книгах – тоже.

... И однако, когда уже в двадцать лет Аркадий вынужден был сменить свою военную профессию на гражданскую и выбрал писательскую, учиться ему пришлось заново. Хорошо, что учителя попались чуткие: в Ленинградском отделении Госиздата, куда Аркадий принес свою небрежно переписанную, да еще и растрепанную рукопись «В дни поражений и побед», которая одним своим видом могла ужаснуть любого редактора, его встретили Константин Федин, Михаил Слонимский и Сергей Семенов – писатели в ту пору еще молодые, но уже достаточно опытные. Новичок вел себя непривычно: он не выглядел ни самоуверенным графоманом, ни робким просителем. Этим он и заинтересовал своих первых редакторов – сначала самим собой, а потом и своей рукописью, которая, при всей дилетантской рыхлости, читалась взахлеб. Тогда-то Константин Федин и произнес свои пророческие слова: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете».

И вот они, годы скитаний по России, – может быть, решающие: Ленинград – Гагра – Харьков – Щигры (заглянул к тетке, в родные курские края, и сбежал от мещанского уютя) – Артемовск (нанялся вагонщиком на шахту)... За это время пытался писать роман «Взрыв» – не получилось; возвращаться с пустыми руками в Ленинград не хотелось, и он завернул в Москву. Встретил там друга своей арзамасской

юности, Шуру Плеско, и по его совету поехал в Пермь, в газету «Звезда».

Здесь начался второй этап его литературной учебы. Начался с фельетонов, продолжился рассказами (один из них и был подписан псевдонимом «Гайдар»), затем повестями «Лбовщина» и «Всадники неприступных гор» (по следам поездки в Среднюю Азию). Позже Гайдар из Перми переехал в Свердловск (в газету «Уральский рабочий»), оттуда в Москву, потом в Архангельск (в газету «Волна», уже при нем переименованную в «Правду Севера») и лишь затем вернулся в Ленинград.

Так замкнулся огромный круг литературных и нелитературных скитаний. Четыре года назад из Ленинграда уехал Аркадий Голиков, робкий литературный новичок, – теперь вернулся туда опытный журналист и писатель Аркадий Гайдар, осознавший не только свою высокую литературную миссию, но и узкую специальность. Уже через год после этого он уверенно заявит в первой литературной автобиографии: «Я пишу, главным образом, для юношества. Лучший мой читатель – десяти-пятнадцати лет. Этого читателя я люблю, и мне кажется, что я его понимаю, потому что не так давно таким же подростком был я сам».

Это превращение литературного новичка в опытного писателя, почти мастера, – одна из загадок Гайдара, которую так и не разгадали его исследователи. Друг Гайдара, добрейший Иван Игнатьевич Халтурин, редактор и критик, в своих

воспоминаниях пролил свет на многие загадки личности и биографии писателя, но перед этой загадкой спасовал. «Из всей биографии Гайдара самое загадочное для меня: как он написал „Школу“? – замечает он. – Положа руку на сердце, мы не можем сказать, что „Р. В. С.“ было вступлением к „Школе“, – это только дальние подступы к ней. А ведь после „Р. В. С.“ были написаны еще более слабые вещи. Откуда же взялась у него в этой повести зрелость замысла, чувство композиции, убежденность интонации, весомое и точное слово?!»

Истории литературы, однако, такие загадки известны. Разве узнаешь могучего Гоголя в его первой книжке «Ганц Кюхельгартен», благоразумно выпущенной под псевдонимом «В. Алов», а вскоре скупленной и уничтоженной самим автором, или великого поэта Некрасова в его первом стихотворном сборнике «Мечты и звуки»?... Но уже следующие их книги – совсем иные.

На естественный вопрос – откуда что взялось? – ответ известен: из жизни. Из наблюдений, из встреч с интересными людьми (необязательно знаменитыми). Из некоторых книг. Из атмосферы времени. Впечатления, вынесенные из всего этого, накапливаются, дают мощный толчок внутреннему развитию писателя – и количество переходит в качество.

Применительно к Гайдару эти соображения тем более справедливы. Ведь как раз на четыре решающих года приходится максимум его поездок и встреч. На эти же годы при-

ходится его работа в четырех местных газетах (к уже названному добавим московскую газету «Красный воин», где Гайдар печатал рассказы, статьи и заметки на военные темы).

Разумеется, все это дополнялось и напряженной литературной учебой Гайдара, которую в тот период он вел самостоятельно.

У него было литературное дарование, но была и прекрасная способность к самообучению, позволявшая ему отлично освоить сперва военное, а потом и литературное дело. Уроки, полученные им в 1920-х годах у первых литературных учителей, не прошли даром.

Выходит, не столь уж внезапно появление «Обыкновенной биографии» («Школы») после четырех лет скитаний Гайдара по России. Он проделал за это время колоссальную работу над собой, над своей литературной техникой и из робкого новичка превратился в зрелого детско-юношеского писателя, который начинал утверждать в литературе собственные творческие вкусы.

Опытный воин, человек стратегического мышления, Гайдар задолго до Великой Отечественной войны предвидел ее неизбежность.

Трудно поверить, что эти пророческие слова написаны в 1929 году, за двенадцать лет до ее начала. «Тот год и тот день, когда напряженную тишину тысячеверстной западной границы разорвут первые залпы вражеских батарей... этот год, и день, и час не отмечен еще черной каемкой ни в одном

из календарей земного шара. Но год этот будет, день возникнет, и час придет».

В предвидении этого часа и готовил Гайдар «краснозвездную крепкую гвардию». И если приглядеться к его детским книжкам, мы увидим, что едва ли не каждая из них – начиная с первой его книжки «Р. В. С.» до, казалось бы, совсем «мирных» его книг вроде рассказов «Чук и Гек» или «Голубая чашка» – успешно решает эту задачу.

Особо стоит сказать о «Тимуре и его команде». Печататься эта повесть начала в «Пионерской правде» в сентябре 1940 года, а отдельным изданием вышла в январе 1941 года. Каждое ее продолжение в газете юные читатели ждали с таким нетерпением, что однажды ребята из подмосковного села Косина (теперь оно стало Москвой) даже примчались в редакцию, чтобы узнать, что там будет в повести дальше...

Гайдар оказался прав: вскоре в стране появились и тимуровцы, и Тимуры. С одним из них писатель встретился в осажденном фашистами Киеве. Встреча эта не могла пройти мимо сознания писателя. И уже через несколько дней после этой встречи в республиканской газете «Правда Украины» появилось обращение Гайдара к тимуровцам и остальным детям: «Ребята, пионеры, славные тимуровцы! Окружите еще большим вниманием и заботой семьи бойцов, ушедших на фронт. У вас у всех ловкие руки, зоркие глаза, быстрые ноги и умные головы. Работайте безустанно, помогая старшим. Выполняйте их поручения безоговорочно, безот-

казно и точно. Поднимайте на смех и окружайте презрением белоручек, лодырей и хулиганов...

Мчитесь стрелой, ползите змеей, летите птицей, предупреждая старших о появлении врагов – диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов. Если кому случится столкнуться с врагом, молчите или обманывайте его, показывайте ему не те, что надо, дороги. Следите за вражескими проходящими частями. Смотрите, куда они пошли, какое у них оружие».

Опытнейший, закаленный воин, Гайдар дает умные, толковые советы чуть не на все случаи, какие могут быть на войне. И юные партизаны, да и просто подростки, оставшиеся в тылу врага, вели себя в оккупации точно так, как советовал им Гайдар.

Его статью в ведущей украинской газете наверняка читали будущие молодогвардейцы из города Краснодона, коим скоро предстояло испробовать гайдаровские советы на деле. И они, как мы знаем, не подвели. Даже комиссар «Молодой гвардии» Виктор Третьякевич, которого под именем Стаховича долго считали предателем, на поверку оказался настоящим героем.

За год до войны Гайдару пришлось выступать среди студентов и преподавателей Московского библиотечного института. Вопрос одного из педагогов был таким:

«Скажите, а как воспитывать ненависть к врагу? Ведь это очень трудно...»

«Трудно, – согласился Гайдар. – Но зачем же воспитывать ненависть? Воспитывайте любовь к Родине. А если на Родину кто-нибудь нападет, ненависть придет сама».

Вот позиция «позднего» Гайдара! И хотя через год после этого жизнь снова заставит его надеть военную форму, на сей раз даже ярые его враги не смогут приписать ему никаких грехов, а тем более обвинить в жестокости.

Казалось бы, крепко привязанный к своему «революционному» времени Гайдар на самом-то деле жил «помимо» него – он словно бы прилетел к нам из будущего. Из того самого «светлого царства», в котором он еще надеялся пожить вместе со своими читателями.

Гайдар по-настоящему еще не прочитан, а по сути, даже и не открыт. Остается надеяться, что его не затопчет нынешняя самодовольная эпоха, а для новых детских поколений он поднимется даже выше, чем в лучшую свою пору. Потому что он сам и его книги – это и правдивое зеркало минувших и сложных времен, и надежный компас, подсказывающий, куда идти России и всем нам, если мы хотим жить гордо, честно и справедливо.

Сергей Сивоконь

Автобиография

В августе 1914 года, когда мне стукнуло десять лет, отца взяли в солдаты и послали на Германский фронт.

Забегал он из казармы прощаться. Бритая голова, серая папаха, тяжелые, кованные железом сапоги.

Не узнала его наша рыжая собачонка Каштанка, зарычала, залаяла. Самая младшая сестренка, Катюшка, так до конца и не поняла, в чем дело. Всё таращила глаза, за шинель трогала, за погоны тянула и смеялась:

– Солдат папа! Папа солдат!

Когда пришла минута прощания – все заплакали. Поняла Катюшка, что дело не до смеха, и подняла такой рев, как будто бы ее кипятком ошпарили.

Я крепился.

За окном трещали барабаны, гремела военная музыка, и с маршевой ротой ушел на вокзал мой отец.

Помню – вечерело. Крепко пахло на вокзале нефтью, карболкой и антоновскими яблоками, которых уродилась в тот год неисчислимая сила.

И как раз помню, когда уже отошел поезд, остановился я на мостике через овраг.

Удивительным цветом горело в тот вечер небо.

Меж стремительными, но тяжело-угрюмыми тучами над горизонтом блистали величаво-багровые зарева. И казалось,

что где-то там, куда скрылся эшелон, за деревней Морозовкой, загоралась иная жизнь. Уже отцеловались, отплакались, звякнули, загудели, тронулись и поехали. «Прощайте, солдаты, прощайте!» Уезжали под плач, с громом, свистом и с песнями. С чем-то назад вернетесь?

И они вернулись назад через четыре года.

Те, кто не были искалечены, отравлены, засыпаны землей и убиты на полях Галиции, в Карпатах, под Трапезундом и под Ригой, – те вернулись назад на помощь рабочим Москвы и Петрограда, которые уже бились на баррикадах за лучшую долю, за счастье, за братство народов, за советскую власть.

Мне было всего четырнадцать лет, когда я ушел в Красную Армию. Но я был высокий, широкоплечий и, конечно, соврал, что мне уже шестнадцать.

Я был на фронтах: Петлюровском, Польском, Кавказском, Внутреннем, на Антоновщине и, наконец, близ границы Монголии. Что я видел, где мы наступали, где отступали, скоро всего не перескажешь. Но самое главное, что я запомнил, – это то, с каким бешеным упорством, с какой ненавистью к врагу, безграничной и беспредельной, сражалась Красная Армия одна против всего белогвардейского мира.

Под Киевом, возле Боярки, умирал и бредил мой друг, курсант Яша Оксюз. Уже розоватая пена дымилась на его запекшихся губах, и он говорил уже что-то не совсем складное и для других непонятное.

«Если бы, – бормотал он, – на заре переменить позицию.

Да краем по Днепру, да прямо за Волгу. А там письмо бросьте. Бомбы бросайте осторожнее! И никогда, никогда... Вот и все! Нет... не все. Нет – все, товарищи!»

И что бы он там ни бормотал, лежа меж истоптанными огуречными и морковными грядками, мотал головой, шептал, хмурил брови, я знал и понимал, *что* он хочет и торопится сказать, – чтобы били мы белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверяли на заре полевые караулы, что Петлюра убежит с Днепра, что Колчака прогнали уже за Волгу, что наш часовой не вовремя бросил бомбу и от этого нехорошо так сегодня получилось, что письмо к жене-девчонке у него лежит, да я и сам его вижу – торчит из кармана потертого защитного френча. И в том письме, конечно, все те же ей слова: прощай, мол, помни! Но нет силы, которая сломала бы советскую власть ни сегодня, ни завтра. И это все.

Кто знает под Киевом, где-то возле Боярки, деревеньку Кожуховку? Какие-то, интересно, там сейчас и как называются колхозы? «Заря революции», «Октябрь», «Пламя», «Вперед», «Победа» или просто какой-нибудь тихий и скромный «Рассвет», – вот там и схоронили мы Яшу. А потом хоронили еще и десять, и двадцать, и сто, и тысячу. Но советская власть жила, живет, и никто с ней, товарищи, ничего не сделает.

В Красной Армии я пробыл шесть лет. Пятнадцати лет я окончил Киевские командные курсы и тут же, в августе 1919

года, был назначен командиром шестой роты второго полка бригады курсантов.

Потом я был командиром батальона, командиром сводного отряда, командиром 23-го полка в Воронеже и, наконец, командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом.

Я был тогда очень молод, командовал – конечно, не как Чапаев. И то у меня не так, и это не эдак. Иной раз, бывало, закутишься, посмотришь в окошко и подумаешь: а хорошо бы отстегнуть саблю, сдать маузер и пойти с ребятишками играть в лапту!

Частенько я оступался, срывался, бывало, даже своевольничал, и тогда меня жестоко за это свои же обрывали и одергивали, но все это пошло мне только на пользу.

Я любил Красную Армию и думал остаться в ней на всю жизнь. Но в 23-м году из-за старой контузии в правую половину головы я вдруг крепко заболел. Все что-то шумело в висках, гудело, и губы неприятно дергались. Долго меня лечили, и наконец в апреле 1924 года, как раз когда мне исполнилось двадцать лет, я был зачислен по должности командира полка – в запас.

С тех пор я стал писать. Вероятно, потому, что в армии я был еще мальчишкой, мне захотелось рассказать новым мальчишкам и девчонкам – какая она была, жизнь? Как оно все начиналось да как продолжалось, потому что повидать я успел все же немало.

Какие книги я написал – вы знаете. Если выкинуть первые, совсем еще слабые, то останутся: «Р. В. С», «Школа», «Дальние страны», «Четвертый блиндаж», «Военная тайна» и «Голубая чашка».

Сейчас я заканчиваю повесть «Судьба барабанщика». Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных – не меньше, чем сама война.

1937 г. Аркадий Гайдар

Судьба барабанщика

Когда-то мой отец воевал с белыми, был ранен, бежал из плена, потом по должности командира саперной роты ушел в запас. Мать моя утонула, купаясь в реке Волге, когда мне было восемь лет. От большого горя мы переехали в Москву. И здесь через два года отец женился на красивой девушке Валентине Долгунцовой. Люди говорят, что сначала жили мы скромно и тихо. Небогатую квартиру нашу держала Валентина в чистоте. Одевалась просто. Об отце заботилась и меня не обижала.

Но тут окончились распределители, разные талоны, хлебные карточки. Стал народ жить получше, побогаче. Стала чаще и чаще ходить Валентина в кино, то одна, то с провожатыми. Домой возвращалась тогда рассеянная, задумчивая и, что там в кино видела, никогда ни отцу, ни мне не рассказывала.

И как-то вскоре – совсем для нас неожиданно – отца моего назначили директором большого текстильного магазина.

Был на радостях пир. Пришли гости. Пришел старый отцовский товарищ Платон Половцев, а с ним и его дочка Нина, с которой как только увиделись мы, рассмеялись, обнялись, и больше нам за весь вечер ни до кого не было дела.

Стали теперь кое-когда присылать за отцом машину. Чаще и чаще стал он ходить на разные заседания и совещания.

Брал с собой раза два он и Валентину на какие-то банкеты. И стала вдруг Валентина злой, раздражительной. Начальников отцовских хвалила, жен их ругала, а крепкого и высокого отца моего называла рохлей и тряпкой.

Много у отца в магазине было сукна, полотна, шелку и разных цветных материй.

Долго в предчувствии грозной беды отец ходил осунувшийся, побледневший. И даже, как узнал я потом, подавал тайком заявление, чтобы его перевели заведовать жестяно-скобяной лавкой.

Как оно там случилось, не знаю, но только вскоре зажили мы хорошо и весело.

Пришли к нам плотники, маляры; сняли со стены порыжелый отцовский портрет с кривыми трещинами поперек плеча и шашки, ободрали старые васильковые обои и все перестроили, перекрасили по-новому.

Рухлядь мы распродали старьевщикам или отдали дворнику, и стало у нас светло, просторно и даже как-то по-необычному пусто.

Но тревога – неясная, непонятная – прочно поселилась с той поры в нашей квартире. То она возникала вместе с неожиданным телефонным звонком, то стучалась в дверь по ночам под видом почтальона или случайно запоздавшего гостя, то пряталась в уголках глаз вернувшегося с работы отца.

И я эту тревогу видел и чувствовал, но мне говорили, что ничего нет, что просто отец устал. А вот придет весна – и мы

все втроем поедем на Кавказ, на курорт.

Пришла наконец весна, и отца моего отдали под суд.

Это случилось как раз в тот день, когда возвращался я из школы очень веселый, потому что наконец-то поставили меня старшим барабанщиком нашего четвертого отряда.

И, вбегая к себе во двор, где шумели под теплым солнцем соседские ребяташки, громко отбивал я линейкой по ранцу торжественный марш-поход, когда всей оравой кинулись они мне навстречу, наперебой выкрикивая, что у нас дома был обыск и отца моего забрала милиция и увезла в тюрьму.

... Не скрою, что я долго плакал. Валентина ласково утешала меня и терпеливо учила, что я должен буду отвечать, если меня спросит судья или следователь.

Однако никто и ни о чем меня не спрашивал. Всё там быстро разобрали сами и отца приговорили к пяти годам за растрату.

Я узнал об этом уже перед сном, лежа в постели. Я забрался с головой под одеяло. Через потертую ткань слабо, как звездочки, мерцали желтые искры света.

За дверью ванной плескалась вода. Набухшие от слез глаза смыкались, и мне казалось, что я уплываю куда-то очень далеко.

«Прощай! – думал я об отце. – Сейчас мне двенадцать, через пять – будет семнадцать, детство пройдет, и в мальчишеские годы мы с тобой больше не встретимся.

Помнишь, как в глухом лесу звонко и печально куковала кукушка и ты научил меня находить в небе голубую Полярную звезду? А потом мы шагали на огонек в поле и дружно распевали твои простые солдатские песни.

Помнишь, как из окна вагона ты показал мне однажды пустую поляну в желтых одуванчиках, стог сена, шалаш, бугор, березу? „А на этой березе, – сказал ты, – сидела тогда птица ворон и каркала отрывисто: „Карр... карр!““ И вашего народу много полегло на той поляне. И ты лежал вон там, чуть правей бугра, – в серой полыни, где бродит сейчас пятнистый бычок-теленочек и мычит: „Муу-муу!“ Должно быть, заблудился, толстый дурак, и теперь боится, что выйдут из лесу и сожрут его волки.

Прощай! – засыпал я. – Бьют барабаны марш-поход. Каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава. Вот мы и разошлись. Топот смолк, и в поле пусто».

Так в полудреме прощался я с отцом горько и крепко, потому что все же я его очень любил, потому что – зачем врать? – был он мне старшим другом, частенько выручал из беды и пел хорошие песни, от которых земля казалась до

грусти широкой, а на этой земле мы были людьми самыми дружными и счастливыми.

Утром я проснулся и пошел в школу. И когда теперь меня спрашивали, что с отцом, я отвечал, что сидит за обман и за воровство. Отвечал сухо, прямо, без слез. Потому что два раза подряд искренне с человеком прощаться нельзя.

Отец работал сначала где-то в лагере под Вологдой, на лесозаготовках. Писал часто Валентине письма и, видать, по ней крепко скучал. Потом вдруг он надолго замолк. И только чуть ли не через три месяца прислал – но не ей уже, а мне – открытку; откуда-то с дальнего Севера, из города Сороки. В ней он писал, что его как сапера перевели на канал. И там их бригада взрывает землю, камни и скалы.

Два года пронеслись быстро и бестолково.

Весной, на третий год, Валентина вышла замуж за инструктора Осоавиахима, кажется по фамилии Лобачов. А так как квартиры у него не было, то вместе со своей полевой сумкой и небольшим чемоданом он переехал к нам.

В июне Валентина оставила мне на месяц сто пятьдесят рублей и укатила с мужем на Кавказ.

Вернувшись с вокзала, я долго слонялся из угла в угол. И когда от ветра хлопнула оконная форточка и я услышал, как на кухне котенок наш осторожно лакает оставленное среди неприбранной посуды молоко, то понял, что теперь в квар-

тире я остался совсем один.

Я стоял задумавшись, когда через окно меня окликнул наш дворник, дядя Николай. Он сказал, что всего час тому назад заходил вожатый нашего отряда Павел Барышев. Он очень досадовал, что Валентина так поспешно уехала, и сказал, что завтра зайдет снова.

Ночь я спал плохо. Снились мне телеграфные столбы, галки, вороны. Все это шумело, галдело, кричало. Наконец ударил барабан, и вся эта прорва с воем и свистом взметнулась к небу и улетела. Стало тихо. Я проснулся.

Наступило солнечное утро. То самое, с которого жизнь моя круто повернула в сторону. И увела бы, вероятно, кто знает куда, если бы... если бы отец не показывал мне желтые поляны в одуванчиках да если бы не пел мне хорошие солдатские песни, те, что и до сих пор жгут мне сердце. И весело мне от них и хорошо. А иной раз и рад бы немножко заплакать, да как-то стыдно, если не с чего.

Первым делом я поставил на примус чайник, потом позвонил в соседний корпус к Юрке Ковякину, которому целый месяц я был должен рубль двадцать копеек. И мне передавали мальчишки, что он уже собирается бить меня смертным боем.

Юрка был на два года старше меня, он носил значок воршиловского стрелка, но был прохвост и выжига. Он бросил школу, а всем врал, что заочно готовится на курсы летчиков.

Он вошел вразвалочку, быстро оглядывая стены. Просунув голову на кухню, чего-то понюхал, подошел к столу, сбросил со стула котенка и сел.

– Уехала Валентина? – спросил Юрка. – Та-ак! Значит, ясно: оставила она тебе денег, и ты хочешь со мной расплатиться. Честность люблю. За тобой рубль двадцать – брал на кино – и семь гривен за эскимо-мороженое. Итого рубль девяносто, для ровного счета – два.

– Юрка, – возразил я, – никакого эскимо я не ел. Это вы ели, а я прямо пошел в темноте и сел на место.

– Ну вот! – поморщился Юрка. – Я купил на всех шесть штук. Я сидел с краю. Одно взял себе, остальные пять вам передал. Очень хорошо помню: как раз Чарли Чаплин летит в воду, все орут, гогочут, а я сую вам мороженое. Да ты, поди, может, увлекся – не заметил, как и проскочило?

– Нет, Юрка, я не увлекся, и ничего никуда не проскакивало. Я тебе семь гривен отдам. Но, наверное, или ты врешь, или его в темноте кто-нибудь от меня зажулил!

– Конечно, отдай! – похвалил Юрка. – Вы ели, а я за вас страдать должен?! Да ты помнишь, как Чарли Чаплин летит в воду?

– Помню.

– А помнишь, как только он вылез, веревка дернула – и он опять в воду?

– И это помню.

– Ну вот видишь! Сам все помнишь, а говоришь: не ел.

Нехорошо, брат! Денег тебе Валентина много ли оставила? Небось пожадничала?

– Зачем «пожадничала»? Полтора ста рублей оставила, – ответил я и, тотчас же спохватившись, объяснил: – Это на целый месяц оставила. Ты думал – на неделю? А тут еще на керосин, за белье прачке.

– Ну и дурак! – добродушно сказал Юрка. – Эдакие деньги да чтобы проесть начисто!

Он удивленно посмотрел на меня и рассмеялся.

– А сколько же надо? – недоверчиво, но с любопытством спросил я, потому что меня и самого уже занимала мысль: «Нельзя ли из оставленных денег сколько-нибудь выгадать?»

– А сколько?... Поддай-ка мне счета. Я тебе сейчас, как бухгалтер... точно! Полкило хлеба на день – раз – это, значит, тридцать раз. Чай есть. Кило сахару на месяц – обопьешься. Вот крупа, картошка – пустяки дело! Ну, тут масло, мясо. Молоко на два дня кружку. Итого пятьдесят семь рублей, копейки сбросим. Ну ладно, ладно! Не хмурься. Кладу тебе конфет, печенья. Значит, шестьдесят три, керосин – два... Прачке сколько? Десять? Вот они куда идут, денежки! Итого... Итого – живи, как банкир, – семьдесят пять целковых!.. А остальные? Ты, друг, купил бы фотоаппарат у Витьки Чеснокова. Шесть на девять, а светосила!.. Под кровать залезь, и то снимать можно. Он и возьмет недорого. Хочешь, пойдем сейчас и посмотрим?

– Нет, Юрка! – испугался я. – Я лучше не сейчас, а потом... Я еще подумаю.

– Ну подумай! – согласился Юрка. – На то и голова, чтобы думать. Два-то рубля давай... Эх, брат, у тебя все пятерками, а у меня нет сдачи... Ну, потерплю, ладно! А после обеда я забегу снова. Разменяешь и отдашь.

Мне вовсе не хотелось, чтобы Юрка забегал ко мне снова, и я предложил ему спуститься вниз, до магазина вместе. Но

Юрка ловко надел свою похожую на блин кепку и нетерпеливо замотал головой:

– И не проси. Некогда! Сижу долблю. Элероны, лонжероны, вибрация, деривация... Самолет не трамвай. Чуть не дотянул – и пошел в штопор, чуть перетянул – еще что-нибудь похуже. То ли ваше дело – пехота!

Он презрительно скривил губы, небрежно приложил руку к козырьку и ушел. Через минуту в окно я видел, как толстый и седой дворник наш, дядя Николай, со всех ног мчится за Юркой, безуспешно пытаясь огреть его длинной метлой по шее.

... Напившись чаю, я принялся составлять план дальнейшей своей жизни. Я решил записаться в библиотеку и брать книги. Кроме того, у меня были хвосты по географии и по математике.

Прибирая комнаты, я неожиданно обнаружил, что правый верхний ящик письменного стола заперт. Это меня удивило, так как я думал, что ключи от этого стола были давным-давно потеряны. Да и запирать-то там было нечего. Лежали там цветные лоскутья, пара телефонных наушников, наконечник от велосипедного насоса, костяной вязальный крючок, неполная колода карт и клубок шерстяных ниток.

Я потрогал ящик: не зацепился ли изнутри? Нет, не зацепился.

Я выдвинул соседний ящик и удивился еще более. Здесь лежали залоговая квитанция и облигации займа, десяток ло-

терейных билетов Осоавиахима, пол-флакона духов, сломанная брошка и хрупкая шкатулочка из кости, где у Валентины хранились разные забавные безделушки.

И все это заперто от меня не было.

От чрезмерного любопытства и бесплодных догадок у меня испортилось настроение.

Я вышел во двор. Но большинство знакомых ребят уже разъехались по дачам. Вздывая белую пыль, каменщики проламывали подвальную стену. Все кругом было изрыто ямами, завалено кирпичом, досками и бревнами. К тому же с окон и балконов жильцы вывесили зимнюю одежду, и повсюду тошнотворно пахло нафталином.

Обед готовить мне было лень. Я купил в магазине булку с изюмом, бутылку сидра, кусок колбасы, кружку молока, селедку и сто граммов мороженого.

Пришел, съел и затосковал еще больше. И стало мне обидно, что не взяла меня с собой на Кавказ Валентина. Был бы отец – он взял бы!

Помню, как посадит он меня, бывало, за весла, и плывем мы с ним вечером по реке.

– Папа! – попросил как-то я. – Спой еще какую-нибудь солдатскую песню.

– Хорошо, – сказал он. – Положи весла. Он зачерпнул пригоршней воды, выпил, вытер руки о колени и запел:

Горные вершины

Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

– Папа! – сказал я, когда последний отзвук его голоса тихо замер над прекрасной рекой Истрой. – Это хорошая песня, но ведь это же не солдатская.

Он нахмурился:

– Как не солдатская? Ну вот: это горы. Сумерки. Идет отряд. Он устал, идти трудно. За плечами выкладка шестьдесят фунтов... винтовка, патроны. А на перевале белые. «Погодите, – говорит командир, – еще немного, дойдем, собьем... тогда и отдохнем... Кто до утра, а кто и навеки...» Как не солдатская? Очень даже солдатская!

«Отец был хороший, – подумал я. – Он носил высокие сапоги, серую рубашку, он сам колол дрова, ел за обедом гречневую кашу и даже зимой распахивал окно, когда мимо нашего дома с песнями проходила Красная Армия».

Но как же, однако, все случилось? Вот соседи говорят, что «довела любовь», а хмельной водопроводчик Микешкин – тот, что всегда дарит ребятишкам подсолнухи и ириски, – однажды остановился у нашего окошка, возле которого сидела Валентина, растянул гармошку и на весь двор заорал

песню о том, как одни черные очи «изгубили» одного хорошего молодца.

Быстро вскочила тогда Валентина. Гневно плюнула, отошла от окна, меня отдернула прочь и, скривя губы, пробормотала:

– Тоже... певец! Пьянчужка. Я вот пожалуюсь на него управдому.

Однако жаловаться управдому на Микешкина было бесполезно. Во-первых, жаловались на него уже сто раз. Во-вторых, пьяный, он никого не задевал, а только вопил песни. А в-третьих, в нашем доме жильцы часто без разбора валили и в раковины и в уборные всякий мусор, из-за чего было много скандалов. А Микешкин всегда безропотно ходил, чинил и чистил, в то время как всякий другой водопроводчик давно бы на его месте плюнул.

«Любовь! – думал я. – Но ведь любви и кругом нашего дома немало. Вот напротив, возле шахты метро, стоят часовые, и у них, может быть, тоже есть какая-нибудь красивая. А вон в общежитии живут летчики, и у них, наверное, есть тоже. Однако же от любви ихней винтовки не ржавеют, самолеты с неба не падают, а все идет своим чередом, как надо».

Оттого ли, что я долго лежал и думал, оттого ли, что я объелся колбасы и селедки, у меня заболела голова и пересохла губы. И на этот раз я уже сам обрадовался, когда звякнул звонок и ко мне ввалился Юрка.

В одну минуту мы вылетели на улицу. Дальше все пошло

колесом. В этот же день я купил у монтера Витьки Чеснокова за семьдесят пять рублей фотоаппарат. И в этот же день к вечеру на Пушкинской площади Юрка подвел меня к трем задумчивым молодцам, которые терпеливо рассматривали рекламную витрину кино.

– Знакомься, – сказал Юрка, подталкивая меня к мальчишкам. – Это Женя, Петя и Володя из восемнадцатой школы. Огонь-ребята и все, как на подбор, отличники.

«Огонь-ребята» и «отличники» – Женя, Петя и Володя, – как по команде, повернулись в мою сторону, внимательно оглядели меня, и, кажется, я им чем-то не понравился.

– Он парень хороший, – отрекомендовал меня Юрка. – Мы с ним заодно, как братья. Отец в тюрьме, а мачеха на Кавказе.

«Огонь-ребята» молча поклонились мне, а я чуть покраснел: «Мог бы, дурак, про отца помолчать, – хорош гусь, скажут товарищи».

Однако новые товарищи ничего не сказали, и, посоветовавшись, мы все впятером пошли в кино.

Вернувшись домой, я узнал от дворника, дяди Николая, что опять заходил вожатый Павел Барышев и крепко-накрепко наказывал, чтобы я завтра же зашел к нему на квартиру, так как у него ко мне есть дело.

Однако на следующий день к Барышеву я не зашел.

Утром меня поджидал первый удар.

Наскоро позавтракав, я помчался с фотоаппаратом поку-

пать в магазин пластинки. И там мне сказали, что хотя аппарат и исправный, но это не шесть на девять, марка старая, и пластинок такого размера в продаже нет и не бывает.

Взбешенный, я помчался разыскивать Юрку. Но его ни у себя дома, ни во дворе не было, а попался он мне на глаза только к вечеру, когда, усталый и обессиленный от поисков и расспросов, я уже с трудом ворочал языком.

– Экая беда! – пожалел меня Юрка. – Так-таки говорят, что нет и не бывает?

– Так-таки нет и не бывает! – с отчаянием повторил я. – Да что ты притворяешься, Юрка! Ты все и сам знал раньше.

– Ну вот, знал! Что я, фотограф, что ли? Кабы ты меня про аэроплан спросил – это другое дело: фюзеляж, пропеллер, хвостовое управление... Дернул ручку на себя – он вверх пошел, двинул вперед – он книзу. А фотографы – это для меня не люди... а тьфу! То ли дело летчики!..

– Юрка, – попросил я, – давай пойдем к Витьке Чеснокову, пусть он тогда забирает аппарат, а деньги отдаст обратно!

– Что ты! Что ты! – удивился Юрка. – Да у него и денег-то давно уж нет! За тридцатку он вчера купил балалайку, сколько-то отдал жене, сколько-то теще. Ну, может быть, какая-нибудь пятерка осталась. Нет, брат, ты уж лучше терпи.

Горе мое было так велико, что я едва удерживался от того, чтобы не брякнуть фотоаппарат о камни. Юрка заметил это и надо мной сжалился.

– Друг я тебе или нет?! – воскликнул он, ударяя себя кеп-

кой о колени.

– Конечно нет... то есть, конечно, друг... И тогда... что мы делать будем?

– А коли друг, так пойдем со мной! Я тебя из беды выручу.

Мы прошли с ним через два квартала в мастерскую, в которой Юрка, надо думать, бывал не раз, и здесь, едва глянув на мой (очевидно, уже им знакомый) фотоаппарат, мне сказали, что можно переделать на шесть и девять. Цена – сорок рублей, задаток – десять.

– Выкладывай, – торжествующе сказал Юрка. – То-то вас, дураков, учи да учи, а спасибо и не дождешься!

– Юрка, – спросил я, – а где же я потом возьму остальную тридцатку?

– Наберешь! Наскребешь понемножку, а нет, так я за тебя аппарат выкуплю. Себе возьму, а ты накопишь денег, мне отдашь, – он тогда, аппарат, опять твой будет!

С тяжелым сердцем заплатил я десять рублей и понуро побрел к дому.

– Не скучай, – посоветовал мне на прощание Юрка. – Ты по вечерам садись на шестой или на метро и кати чуть что в Сокольники – там мы гуляем весело.

Дома в ящике для почты я нашел от Барышева записку. В ней он ругал меня за то, что я не зашел, и наказывал, чтобы я немедленно сообщил адрес Валентины начальнику подмосковного пионерского лагеря, куда они хотят позвать меня, чтобы я там побыл до Валентинино приеза.

Я, конечно, обрадовался, но... то не было чернил, то конверта, и адрес я послал только дня через четыре.

А тут беда пришла новая.

Как там на счетах прикидывал Юрка: кило да полкило – это его дело, но деньги, которых и так осталось мало, таяли с быстротой совсем непонятной.

С утра начинал я экономить. Пил жидкий чай, съедал только одну булочку и жадничал на каждом куске сахара. Но зато к обеду, подгоняемый голодом, накопил я наспех совсем не то, что было надо. Спешил, торопился, проливал, портил. Потом от страха, что много истратил, ел без аппетита и наконец, злой, полуголодный, махнув на все рукой, мчался покупать мороженое. А потом в тоске слонялся без дела, ожидая наступления вечера, чтобы умчаться на метро в Сокольники.

Странная образовалась вокруг меня компания. Как мы веселились? Мы не играли, не бегали, не танцевали. Мы переходили от толпы к толпе, чуть задевая прохожих, чуть толкая, чуть подсмеиваясь. И всегда у меня было ощущение: то ли мы за кем-то следим, то ли мы что-то непонятное ищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.